

Наталья Антонова

Зимняя
МЕСТЬ

Уютный детектив

Уютный детектив

Наталия Антонова

Зимняя месть

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Зимняя месть / Н. Н. Антонова — «Эксмо», 2021 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-109173-6

Провести новогоднюю ночь на даче, у горящего камина – что может быть лучше?! Так думала Виола, когда отправлялась в свой загородный дом вместе с женихом... Зимняя сказка закончилась печально: в доме нашли труп девушки. Ею оказалась красавица Виола. У таких, как она, часто бывают враги, особенно среди конкуренток женского пола. Вот подозрение и падает на ее бывшую подругу, Марию, с которой они не поделили жениха. Но в вину несчастной Маши не верят ни ее друзья, ни проницательная сыщица Мирослава Волгина, которая берется найти настоящего убийцу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109173-6

© Антонова Н. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталия Николаевна Антонова

Зимняя месть

© Антонова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

За окном рождественская картинка – всё засыпало снегом. Деревья все в инее, точно коралловый лес. По небу плывут густые толстенные облака, а в ослепительно-голубых просветах сияет ярко-золотое солнце. И падают огромные хлопья снега, похожие на лепестки белых роз, точно их задумчиво роняет с небес белый-белый ангел.

И так тихо... Даже приглушённый гул автомобилей похож скорее на полусонное бормотание шмелей.

После того как Морис уехал на католическое Рождество домой, Мирослава осталась домовничать вдвоём с котом Доном.

И коттедж, особенно по ночам, стал казаться ей огромным, как замок в какой-нибудь шотландской глубинке. Она гнала прочь непрощенные грустные мысли.

А тут ещё позвонил Морис и попросил разрешения задержаться ещё ненадолго дома. Мирослава сказала ему тогда:

– Да, конечно, тем более работы сейчас нет.

– Вы скучаете без меня? – спросил он, и ей показалось, что в его голосе проскользнула надежда на утвердительный ответ и, может быть, лёгкая грусть.

Но она ответила:

– Нет, – вложив в голос гораздо больше весёлости, чем следовало бы.

– Ну, тогда ладно, – пробормотал он и отключился.

Мирослава посмотрела на кота.

– Что, мой королевич, Новый год мы с тобой будем встречать вдвоём.

Дон не возражал. Для него главное, чтобы хозяйке было хорошо. Вот только ему показалось, что глаза у неё невесёлые... Он потеснее прижался к ней всем телом и тихо замурлыкал, стараясь передать ей тепло не только своего покрытого мягкой длинной шёрсткой тела, но и маленького, крепко любящего сердца.

29 декабря поздно вечером, почти ночью, нагрянул Шура. Сказать, что Мирослава удивилась, было бы не сказать ничего.

– Представляешь, – начал он прямо с порога, – у меня выходные аж до третьего января!

– Да ты что?! – не поверила она.

– Я и сам с трудом верю! Сколько себя помню, такого чуда ни разу не случилось. Но ведь я два года в отпуске вообще не был, – добавил он.

– Бедный мой Шура. – Она обняла его. И снег на его куртке начал таять, а заодно промокла и её наброшенная на плечи кофта.

– Иди в дом! – сказал он. – А то простудишься. Морис приедет и приберёт меня.

– Ты его так боишься? – засомневалась Мирослава.

– Опасаюсь, – улыбнулся Шура.

– Морис приедет ещё не скоро, – проговорила она быстро, тщето скрывая грусть.

– Как так?

Она пожала плечами.

«Теперь уж я его приберу, как только он приедет», – сердито подумал Шура.

Мирослава поднялась на крыльцо и стала с удивлением наблюдать, как Наполеонов достаёт из багажника многочисленные пакеты, как видно, тяжёлые. Всё это он начал таскать в дом.

– Шура! Что это? – изумлённо спросила она.

– Продукты, – проворчал Наполеонов сердито, – у тебя-то, наверное, холодильник пустой.

– Ну, не совсем.

– Ага. Отварная курица для кота, ряженка и яблоки для тебя. А для меня кукиш, даже без масла.

Она рассмеялась. А потом сказала:

– Шура, если ты думаешь, что я стану что-то готовить из той прорвы продуктов, что ты привёз, – она махнула рукой на пакеты, – то ты ошибаешься.

– Ничего я не ошибаюсь. Знаю, что от тебя не дождёшься! – проворчал он.

– Тогда кого ты собираешься поставить возле плиты?

– Коня в пальто!

– О! Ты ещё и коня притащил, – усмехнулась она.

Шура снова пошёл к машине и полез в салон. Оттуда он вытащил большую корзину и потащил её в дом.

– А что там? – спросила Мирослава. Но Наполеонов не удостоил её ответом.

– Шур, а ты надолго ко мне? – осторожно спросила она.

– Сказано же тебе, что на работу мне 3 января. Вот и считай.

– А как же Софья Марковна?! Ты что, её одну собрался на Новый год оставить?

– Как же, оставишь её! Это она единственного ребёнка, – Шура сокрушённо покачал головой, – одного кинула.

– В смысле кинула? – ничего не поняла Мирослава.

– В смысле, что твоя любимая Софья Марковна, мать моя разлюбезная, укатила встречать Новый год в Питер. – Наполеонов сделал вид, что собирается заплакать.

– Шурочка, не расстраивайся. – Мирослава снова крепко прижала друга к себе. Но, тотчас заподозрив что-то неладное, отстранила его. Так и есть, Наполеонов хихикал, и в глазах его не было и тени печали.

– Бессовестный ты поросёнок, – воскликнула Мирослава, – пользуешься моим добрым сердцем.

– Я не поросёнок! Кстати, год Кабана-то уходит.

– Кажется, в феврале.

Она вздохнула и стала помогать Наполеонову перетаскивать пакеты с крыльца в кухню. После того как всё купленное им было разложено по местам, Шура открыл холодильник и чуть ли не влез в него целиком.

– Что ты там делаешь? – спросила Волгина.

– Ищу, чего бы поесть.

– Ты же сам сказал, что ничего приготовленного у меня нет. Так что ешь то, что сам привёз.

Шура вздохнул, отрезал себе кусок буженины, нарезал сыр, хлеб, достал банку солёных огурцов. Поставил на плиту чайник и выудил из корзиночки пакет с курабье. Зачем-то нарезал батон, сложил его в миску и залил кипячёной водой из кувшина.

Мирослава подумала, что он собрался кормить птиц, и сказала:

– Хлеб на морозе замёрзнет.

Наполеонов ничего не ответил, оставив миску на кухонный стол.

– Ешь, давай, – сказал он Мирославе, налив чай в две чашки.

– Не хочу.

– Тоже мне, принцесса выискалась, – пробормотал он себе под нос.

– Я не принцесса, – улыбнулась Мирослава, – сам знаешь.

– Знаю, конечно! Амазонка и тигра!

– Одна в двух лицах?

– Да у тебя этих лиц до фи́га! Ешь давай, не капризничай.

– Шур, я и не капризничаю. – Она взяла кусочек сыра и стала сосредоточенно его грызть.

– Ага. Теперь решила мышью поработать, – хмыкнул он.

Дону надоело, что Наполеонов ворчит на его хозяйку, и он, запрыгнув ей на колени, уткнулся в сыр в её руках. Она сразу отломала ему маленький кусочек, и кот стал есть с её ладони.

– Вот! – сказал Наполеонов. – Все порядочные девушки под Новый год мечтают о принце, а эта с котом тетёшкается.

Мирослава весело расхохоталась.

– Ты чего? – озадаченно спросил Наполеонов.

– Анекдот вспомнила!

– Какой?

– «Девушки всю жизнь ждут принца на белом коне, а приезжает король – голый, пьяный и на автобусе».

Наполеонов состроил страшную рожицу и собрался сделать подруге выговор о неуместности подобных анекдотов в предновогоднее время, но не удержался и расхохотался вместе с ней.

Чуть позже, чтобы реабилитироваться хотя бы в собственных глазах, сказал:

– Ну и жди своего Балду!

– Подожду. А пока ты мне его заменишь.

Шура погрозил ей пальцем. Сложил в раковину грязную посуду и велел:

– Мой.

– А ты что собираешься делать?

– Знамо дело, – всплеснул он руками, как бойкая кухарка в фильмах про старинную жизнь, – готовить!

Мирослава хмыкнула и принялась за мытьё посуды. А Шура подвязал фартук Мориса, который был ему непомерно велик, из-за чего Наполеонову пришлось сложить его чуть ли не вдвое.

– Извини, только фарш купил готовый в фермерском магазине. – Наполеонов бухнул фарш в эмалированную кастрюлю.

– Пойдёт! – улыбнулась Мирослава.

Наполеонов добавил в фарш замоченный хлеб, яйца, повернулся к Волгиной:

– Вымыла посуду?

– Так точно, товарищ капитан! – вытянулась она в струнку.

– Тогда забирай своего лохматого – и брысь оба с кухни!

Расхохотавшись, Мирослава с удовольствием выполнила его приказание. Поужинали они втроём приготовленными Шурой котлетами. К удивлению Мирославы, они оказались очень вкусными.

– Спасибо, Шура, – сказала она после ужина, – я не знала, что ты научился так вкусно готовить.

– Так с кем поведёшься... – отозвался он.

– Надеюсь, ты имеешь в виду не меня.

– Это точно, – саркастически отозвался друг детства, – и даже не твоего лохматого. –

Он кивнул на Дона.

– Но-но! – шутливо погрозила она ему пальцем, – святого не касайся.

– А посуду мыть тебе, – в отместку хмыкнул Наполеонов, – а то твоё святое, – он снова ткнул в кота, – только языком может всё отмывать.

Мирослава перемыла посуду, подхватила на руки кота, терпеливо дожидавшегося её на кухонном подоконнике, и поднялась к себе. Наполеонов, который всё это время пил чай и молча наблюдал за её работой, остался на кухне. За окном уже было совсем темно. Ни луны, ни звёзд. Только мигающий в начавшемся снегопаде свет замёрзших фонарей.

«Если природа не умерит свой энтузиазм, – подумала Мирослава, – то завтра нам с Шурой придётся расчищать дорожки в четыре руки. – Она включила ночник. – Что там вчера Наполеонов говорил о новогодних чудесах? – попыталась она припомнить и подумала: – Если и мечтать о ком-то, то явно не о принце. А о ком? Да вот хотя бы о таком персонаже, как «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Исполняет всё, что ни попросишь, вопросов не задаёт, не критикует, не ворчит. Идеальный спутник жизни! Одно плохо, что не видно его». Мирослава улыбнулась, взяла со стола книгу и улеглась в постель. Дон пристроился рядом. Прошло минут тридцать, в дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, в комнату ввалился Шура. На нём была пижама цвета жёлтого цып-лячьего пуха с белыми, прыгающими на этом фоне зайчиками. Мирослава невольно улыбнулась.

– Чему радуемся? – спросил Шура.

– Твоей пижаме.

– Правда красивая? Мне самому нравится, – обрадовался Шура.

– Миленькая, только тебе больше пошло бы с волчатами.

– Ну вот ещё! Я белый и пушистый, как эти зайчики. Подвиньтесь! – это восклицание относилось и к Мирославе, и к Дону.

Мирослава отодвинулась, а Дон просто перепрыгнул через неё и лёг с другой стороны. Шура улёгся рядом с Мирославой и попытался вытащить из-под её головы подушку.

– Фиг тебе! – сказала она. – Возьми на кресле.

Шура взял с кресла подушку, улёгся рядом с ней и выдернул из её рук книгу.

– Ага, опять поэзия древнекитайских поэтов. Что там у нас на этот раз? Так, поэзия эпохи Тан, VII–X века.

– Шура! – Мирослава попыталась отнять у него книгу, но он быстро увернулся.

– Ишь какая! Не хочет, чтобы родной друг тоже обогатился!

Наполеонов быстро пролистал страницы и остановился на одной из них.

– Вот. Ван Луню. «Печаль». – Шура принялся читать вслух:

За яшмовую шторою
Одна
Красавица
Томится у окна.
Я вижу влажный блеск
В очах печальных —
Кто ведает,
О ком грустит она.

Наполеонов с притворной пытливостью посмотрел на подругу.

– Шура! Я придушу тебя. – Она резко потянулась к книге, но он снова увернулся.

– Ладно, не нравится про печаль, поищем про другое. – Он снова полистал страницы и, остановившись на одной из них, воскликнул: – Вот! Нашёл! Слушай, как раз в тему! Цзяожань. «Сосна»:

Потому что я шёпот сосны полюбил,
Я наслушаться им не могу.

Я всегда, как увижу сосну на пути,
Забываю вернуться домой.

С этой радостью лёгкой от шума сосны
Что на свете сравнится ещё?

Я смеюсь, к вольным тучам лицо обратив,
Беззаботным и вольным, как я.

Наконец Мирославе удалось вырвать из рук Наполеонова книгу и захлопнуть её, чуть не прищевив ему нос.

– И чего тебя на них тянет? – спросил он.

– Смысл жизни ищу.

– Нашла?

– Нет пока. В поисках.

– Ага. Диоген вон в бочке сидел сколько времени, да так и ничего не надумал.

– Ну почему же, – рассмеялась Мирослава, – много чего надумал.

– Ага. Типа не заслоняй мне солнце.

– Так прав же оказался в итоге.

– Это как сказать, – с сомнением произнёс Шура, – вот не отправился бы Македонский завоёвывать мир, и Клеопатры бы не было.

– В смысле?

– В том смысле, что династия Птолемеев не обосновалась бы в Египте!

– Велика потеря! – улыбнулась Мирослава.

– Не скажи! Я в детстве фанател по Лиз Тейлор!

– Так она же просто играла её!

– А если бы Клеопатры не было, то и играть ей некого было бы.

– Логично, – согласилась Мирослава.

Шура взял книжку из рук задумавшейся подруги и положил её себе на грудь, закрыв глаза.

– Эй, – Мирослава толкнула его в бок локтем, – ты что, здесь спать собрался?

– Не спать, а дремать, – поправил он важным голосом.

– Иди к себе!

– погоди! Помнишь, как в детстве, мы летом вчетвером, ты, я, Витька и Люська, лежали на песке, на берегу Волги?

– Помню...

– Над нами солнышко, под нами золотистый песок, и волны облизывают пятки.

– Шур, ты к чему это?

– Ностальгирую я. Неужели непонятно? – засопел он.

– А.

– А ещё помнишь, сколько раньше народу было на волжских пляжах не только в выходные, но и в будни?

Мирослава невольно вспомнила своё детство. Тогда на пляжах и в самом деле яблоку негде было упасть. И они с бабушкой и двумя тётями тоже ехали на пляж и занимали там место, расстелив махровую простыню, а потом после работы приезжал дед. Чтобы он мог их найти, они останавливались всегда примерно на одном и том же месте, а тётя Виктория для того, чтобы их было видно издали, вывешивала на палке, воткнутой в песок, флаг, очень похожий на пиратский. Люди подходили, смотрели, смеялись и даже пели о том, как вьётся по ветру Весёлый Роджер и люди Флинта песенки поют.

«Как давно это было», – подумала она и вздохнула.

– Чего вздыхаешь? – спросил Шура.

– Ничего. Может, я тоже ностальгирую.

– Как же, дождёшься от тебя, – не поверил он и добавил: – Вот если бы Мориса из дома не выжила, то и не вздыхала бы.

– Ты прекрасно знаешь, что никто его ниоткуда не выживал. Он поехал навестить родителей! Имеет право!

– Имеет, – согласился Наполеонов и попросил: – Не злись!

– Я не злюсь.

– А если бы он был дома, – мечтательно произнёс Шура.

– Он и так сейчас дома, – перебила его Мирослава.

– Я не о том доме! – возмутился Наполеонов. – Если бы он был в этом доме, то лежали бы мы с тобой сейчас не здесь в обнимку с твоим котом.

– А где? – улыбнулась она.

– Возле камина в гостиной.

– А что мешает тебе лежать там сейчас?

– Отсутствие огня в камине...

– Давай разожжём.

– У нас не получится так сказочно, как у Мориса.

Через некоторое время Шура стал засыпать и сладко посапывать. Мирослава стала спихивать его с кровати. Обидевшись, Наполеонов ушёл спать в свою комнату, прихватив с собой подушку.

Глава 2

К середине ночи снегопад прекратился. Выглянула луна и сразу принялась соперничать с фонарями в освещении девственно-белого снега, засыпавшего сад. Фонари тактично отошли в тень...

На следующее утро Мирослава проснулась оттого, что кто-то стаскивал с неё одеяло. Она попыталась натянуть его обратно, но не тут-то было. Мирослава открыла глаза. Над ней стоял Шура и ворчал сердито:

– Вставай давай, ишь, заспалась.

– Ты что, с ума сошёл? – спросила она. – Будишь меня ни свет ни заря!

– Вставай немедленно!

– Отстань! Я спать хочу!

– Если ты не встанешь, я оболью тебя холодной водой!

– И зачем я вчера изнутри от тебя не закрылась?! – с явным сожалением в голосе проговорила она.

– А я бы влез в окно, – ухмыльнулся он.

– Шур, ну отстань, – попросила она жалобно.

– Не отстану! У нас дел невпроворот!

– Ну какие у нас могут быть дела?!

– Дорожки расчищать! Ёлку наряжать! Блюда для новогоднего стола готовить!

– Какие ещё блюда?

– Как какие? Традиционные! – Он начал загибать пальцы: – Салат оливье, селедку под шубой, холодец...

– С ума сошёл!

– Ничего подобного. Праздник есть праздник! Говорят же, как встретишь Новый год, так его и проведёшь.

– Ничего я готовить не буду! – заявила Мирослава категорично.

– Лентяйка! – Шура отбросил одеяло на кресло.

Мирослава села на постели и сердито уставилась на него.

– Ну чего уставилась? Одевайся, а я пойду завтрак сварганю.

– Тиран! – Мирослава запустила в друга тапочек.

Наполеонов увернулся, дошёл до двери и поглядел на неё:

– Кстати, надо ещё уборку провести.

– Какую ещё уборку?

– Генеральную. Ты Рукавишникову отпустила на новогодние каникулы?

– Отпустила.

– Значит, убираться придётся самим.

– У нас и так чисто!

– Новый год нужно встречать в идеально убранном доме, – наставительно проговорил Наполеонов. И, прежде чем в него полетела вторая тапочка, успел скрыться за дверью.

Мирослава тяжело вздохнула, взлохматила себе волосы, а потом шерсть Дону.

– И чего ты мне посоветуешь? – спросила она кота.

Тот встряхнулся, коротко мяукнул, прыгнул с кровати и скрылся за дверью.

– Ага, – сказала Мирослава, – и ты туда же.

Умывшись и причесавшись, она спустилась вниз.

Накормив её завтраком, Шура подвёл детектива к раковине.

– Что это? – спросила она удивлённо.

– Куриные лапки, – пояснил ей Наполеонов тоном, с которым взрослые объясняют малому ребёнку очевидные вещи.

– А что они здесь делают?!

– Мокнут. Мы будем использовать их при варке холодца вместо желатина.

– С ума сошёл! – воскликнула Мирослава, рассматривая когти на куриных лапах.

– Не спорь. Моя мама всегда так делает.

– А Морис...

– Вот и не надо было мужика под Новый год выпихивать из дома! – укорил её Наполеонов уже в который раз.

– Я уже сто раз тебе говорила!

– Слышал.

– И что я должна с ними делать? – вздохнула Мирослава.

– Очистить от чешуи и когтей.

– А ты?

– А я пойду ногу распилю.

Через некоторое время Мирослава выглянула в окно. Шура пилил ножовкой на куски говяжьей ноги.

«И за что мне это наказание?» – подумала она и занялась куриными лапами.

От вернувшегося с улицы Наполеонова пахло свежестью и чистотой.

– Красота! – воскликнул он бодро.

Мирослава, глядя на него, подобрела и не стала спорить с Наполеоновым, который, вероятно, вообразив себя баринком, хозяином усадьбы, отправил её, как крестьянку-подёнщицу, на уборку дома. Правда, барин и сам трудился в поте лица. Пока Мирослава, неприлично ругаясь себе под нос, намывала лестницу, Наполеонов пылесосил во всех комнатах всё подряд. Теперь его весёлое посвистывание доносилось со второго этажа.

– Не свисти тут! Деньги из дома выгонишь, – крикнула она, но за шумом пылесоса он её не услышал. И Мирослава стала мстительно представлять, как она хватает Наполеонова за шиворот и выбрасывает со второго этажа в сугроб. Она так увлеклась воображением картины мщения, что не заметила, как он появился наверху лестницы.

– Всё ещё возишься? – крикнул он.

– Заканчиваю, – ответила она.

– Вот и прекрасно. Я помою пол, а ты нашинкуешь овощи, которые я сварил утром.

– Во сколько ты встал?

– Это неважно. А потом мы будем наряжать ёлку.

– Мы наряжаем ёлку на улице.

– Значит, будем наряжать на улице, – покладисто согласился Шура, а потом заметил: –

Но хоть одну веточку для запаха надо принести в дом.

Они нарядили ёлочку, что росла недалеко от дома, всевозможными игрушками и гирляндами. Она была не очень высокой, но, чтобы украсить верхушку, всё равно пришлось приставить лестницу.

– А где срежем веточку? – спросил Наполеонов, когда они закончили украшать дерево.

Мирослава опустилась на колени в снег и стала что-то шептать.

Шура догадывался, что она просит у дерева разрешения срезать веточку, а потом прощения, но всё равно проворчал:

– Начинается шаманство.

А Мирослава взяла острый нож и отрезала наискосок совсем небольшую ветку в самом низу. Потом поклонилась дереву:

– Спасибо тебе.

Ветку они поставили в столовой в большую хрустальную вазу, нарядили небольшими шариками, барабанчиками, колокольчиками и обвили мишурой. Отошли от стола подальше и полюбовались своей работой.

– Хорошо, – сказала Мирослава.

– Хорошо, – подтвердил Шура.

Дон запрыгнул на стул, посмотрел и одобрительно мяукнул.

– Шур, – неожиданно спросила Мирослава, – а Софья Марковна не звала тебя с собой в Питер?

– Звала, конечно.

– А почему же ты не поехал?

– Как же я мог оставить тебя одну? – искренне удивился он.

– Шура! Ты просто сокровище! – Мирослава наклонилась и чмокнула его в нос. – Что бы я без тебя делала?!

– Так цени! – гордо выпятил он грудь.

– Я ценю, дорогой, очень ценю, – заверила она и расцеловала его в обе щёки.

После обеда они долго возились с салатом и селёдкой под шубой. Потом дошла очередь до холодца.

– Шура! Я уже вся липкая, – пожаловалась Мирослава.

– Ничего, потом отмоешься, – не принял он близко к сердцу её жалобу.

Некоторое время они работали молча. Потом Наполеонов шлёпнул себя по лбу тыльной стороной ладони:

– Совсем забыл! Ещё морковь надо натереть!

– Зачем? – спросила она.

– Как зачем? Остренькое блюдо «морковь с чесноком» для аппетита!

– У тебя и так без аппетита всё улетает!

– Всё равно надо! Так положено.

– И кто всё это положил? – ехидно спросила она.

Наполеонов не удостоил её ответом.

Минут через десять она снова спросила:

– А почему мы готовим еду сегодня?

– Потому, что завтра тебя вообще ничего заставить делать будет невозможно. Да и мне перед празднованием нужно набраться сил.

– Понятно.

– Салат и морковь заправлять сегодня майонезом не будем. Утром встану и сам заправлю.

– Делай что хочешь, – отмахнулась от него Мирослава. Она подумала о том, что лучше бы раскрыла десять преступлений и задержала несколько особо опасных преступников, чем занималась уборкой и готовкой.

«И как только женщины добровольно соглашаются на эту каторгу? Это просто уму непостижимо! Им всем нужно давать орден Героя Труда».

«А Морису нравится готовить, – пришло ей на ум через некоторое время, – он даже получает от этого удовольствие. Он что, мазохист?» – засомневалась она. Но потом, отбросив эту крамольную мысль, пришла к выводу, что Миндаугас всё-таки герой-доброволец. И заслуживает почёта и уважения. Она снова тихо вздохнула.

Шура истолковал её вздох по-своему и приободрил:

– Крепись, подруга, ещё немного осталось.

Сам он тем временем тёр морковь на тёрке, а когда от морковки оставалась примерно четвертая часть, с хрустом догрызал её.

– Шур, ты знаешь, я вчера была не права, – проговорила Мирослава, пряча улыбку в уголках губ.

- В чём именно? – поинтересовался он.
- Когда мы говорили о том, идёт тебе твоя пижама или нет.
- И чего?
- Я поняла, что она тебе к лицу.

– Ну, хоть раз призналась в своей неправоте, – не догадался он о подвохе.

И тут Мирослава не выдержала и расхохоталась. Шура промолчал, решив, что перемены в настроении свойственны всем женщинам, даже тем, которые обладают аналитическим умом с примесью интуиции и успешно разоблачают самых изощрённых преступников.

«Такова женская натура, – подумал он, – а мужчинам остаётся только набраться терпения. Тем более что древние говорили, что именно терпеливым покровительствует судьба».

И в это самое время зазвонил колокольчик. Детектив и следователь переглянулись.

«Кто это может быть?» – спрашивали их взгляды, устремлённые друг на друга.

– Пойду посмотрю, – сказала Мирослава, направляясь к камере видеонаблюдения.

– Если это какой-то наглый клиент, заявившийся без предупреждения, гони его прочь! – закричал ей вслед Наполеонов.

Когда Мирослава глянула в камеру, то увидела, как от ворот отъезжает такси. А перед воротами стоит... Морис!

– Это Морис! – вырвалось у неё, и она нажала на устройство, открывающее ворота.

– Ура! – закричал Наполеонов. – Наш Морис вернулся!

Мирославе на мгновение показалось, что она смотрит старый советский мультфильм «Каникулы в Простоквашино» и слышит радостный вопль кота Матроскина: «Ура! Наш дядя Фёдор приехал!»

Шура тем временем уже сбежал с крыльца и повис на шее у Мориса. Миндаугас, не ожидавший такой прыти от друга, не успел увернуться, а теперь никак не мог расцепить объятия Шуры. Наконец он всё-таки снял его со своей шеи.

– Ты приехал? – спросила вышедшая из дома Мирослава.

– Да. – Он не отрывал своих светло-голубых глаз от её серо-зелёных.

– Морис...

– Мирослава...

Шура переводил взгляд с одного на другого.

– Эй! – сказал он. – Ау!

Но его не замечали. Он подёргал Мориса за рукав. Никакой реакции.

– Почему ты не позвонил? – спросила Мирослава. – Я бы приехала в аэропорт и встретила тебя.

– Я до города хорошо добрался на автобусе, а потом взял такси.

– Я думала, что ты приедешь ещё не скоро...

– Я сначала тоже думал, что приеду к 7 января. Но потом сообразил, что для вас важны 31 декабря и 1 января.

Она улыбнулась.

– Вы чего, меня вообще в упор не видите?! – завопил Шура и набросился на Дона, сидевшего на снегу возле ног хозяйки: – А ты чего молчишь, как неживой?! Давай вопи! Тебя они точно заметят. Ты же у нас значимая фигура! Можно сказать, особа, приближённая к императору! Вернее, к императрице. Тьфу ты! К детективу! А это вам не баран начхал!

И, не дождавшись реакции от кота, Наполеонов схватил его и посадил на Мориса. Миндаугас крепко прижал кота к себе, чтобы он не сорвался и не зацепил когтями его пальто.

– Дон, дорогой, – прошептал он. И наконец обратил внимание на Шуру: – А ты какими судьбами здесь, друг мой?

– Здравсте! Я ваша тётя! Я тут подругу утешаю, дом убираю, еду готовлю!

– Он меня эксплуатирует, – пожаловалась притворно горестно Мирослава.

– Тебя поэксплуатируешь, – проворчал Шура и вдруг, опомнившись, набросился на Мориса: – А ты чего стоишь?!

– А что? – растерялся тот.

– Иди в дом! И принимайся за приготовление торта.

Морис с Мирославой переглянулись и захохотали. Шура по-бабьи всплеснул руками и ушёл в дом. Дон медленно последовал за ним.

– Жалко его, – сказал Морис, – я и впрямь ещё успею приготовить торт. Не «Наполеон», конечно, но тоже вкусный.

– А «Наполеон»? – высунулся Шура из окна кухни.

– Нехорошо подслушивать, – укорила его Мирослава.

– «Наполеон» будет тебе на 7 января, – подмигнул Шуре Миндаугас, и тот закрыл окно.

– Идёмте в дом, а то вы замёрзнете. – Морис снял пальто и накинул его на плечи Мирославы.

– Ну что, всё ещё воркуют голубки? – спросил Шура у кота, к тому времени уже сидевшего на подоконнике.

Дон что-то проскрипел в ответ. И Наполеонов, поставив на плиту чайник, стал сервировать стол для позднего ужина.

* * *

31 декабря, 1 и даже 2 января Морису пришлось есть то, что наготовили его друзья. Мирослава заботливо подкладывала ему на тарелку салат оливье, селёдку под шубой, холодец, приговаривая при этом:

– Это всё по Шуриным рецептам.

Морис снисходительно улыбался и покорно жевал. А Наполеонов смотрел на него глазами хлопотливой мамыши и умилялся:

– Хоть раз в жизни мы его кормим, а не он нас.

Глава 3

За две недели до Нового года

Декабрь в этом году выдался холодный. Под утро выпал снег, и за окном, несмотря на раннее утро, было светло и от не успевшей скрыться луны, и от не погашенных ещё фонарей, но главное – от этого свежего чистого снега.

Мария знала, что часам к двенадцати дня, а они как раз в это время договорились встретиться с Глашей в кафе, снег уже потеряет свою ослепительную белизну от выхлопов многочисленных автомобилей. Но пока ей хотелось смотреть на него не переставая. И ещё ей приятно было думать о Глаше. Ещё год назад у Маши Нестеровой было две подруги: Глафира Прянишникова и Виола Рокелова. А теперь осталась только Глаша.

Идти в кафе на встречу с подружкой Маше не хотелось, потому что, по её собственным словам, настроение у неё в последнее время было как у утопленника. Глаша страшно ругала её за это сравнение и грозила: «Вот накличешь!»

И сегодня Мария дважды просыпалась от ужаса в холодном поту. Сначала ей приснилось, что она идёт где-то за городом через реку и вдруг проваливается в прорубь и начинает тонуть. Она кричит! Зовёт на помощь. Но вокруг никого, и холодная вода смыкается над её головой. Второй раз ей приснилось, что она идёт через реку не одна, а с Виолой. И в прорубь проваливается именно Виола. Теперь кричит она! Умоляет Машу помочь ей, спасти, но Маша сначала просто пятится от проруби, а потом и вовсе убегает прочь и только внутренним взором видит, как Виола скрывается в толще холодной воды и опускается на дно.

«Что за ужасы мне снятся?» – спросила себя проснувшаяся Маша и вспомнила где-то прочитанное объяснение психолога: если гибнет во сне кто-то из близких знакомых, это значит, что человек, которому приснился этот сон, тайно или явно желает гибели этому человеку. Желала ли Маша гибели Виоле? Она не смела ответить на этот вопрос даже самой себе. Хотя не так давно выкрикнула в лицо бывшей подруге при свидетелях: «Чтоб ты провалилась в тартарары!»

Виола только рассмеялась в ответ.

А ведь не так давно три подруги были неразлучны. Маша, Глаша и Виола делились друг с другом всем: скромными украшениями, одеждой и, конечно, сердечными тайнами. Советовались друг с другом и болели друг за друга. До тех пор, пока Маша не познакомилась с Ростиком и не влюбилась в него без памяти. Сначала Ростислав ни на кого не смотрел, кроме Маши, и девушка надеялась на скорую свадьбу. По крайней мере, именно так она воспринимала ухаживания Ростислава, его слова, небольшие подарки. А когда он переехал к ней на съёмную квартиру, она решила, что вопрос свадьбы – это дело времени. Но потом, в прошлом году, они отправились на бал-карнавал, и на нём Ростислав впервые увидел Виолу.

Маша, словно предчувствуя беду, не знакомила Ростислава с подругами. Даже с простенькой Глашей. А Виола была настоящей красавицей. Платиновая блондинка, неважно, что крашенная, с огромными, широко расставленными синими глазами, изогнутыми бровями, высокими скулами и ярким сочным ртом чуть больше среднего. О фигуре Виолы вообще говорить не приходилось: ни одна мисс мира и рядом с ней не стояла. Непонятно, почему она не пошла в модели или в артистки, а выучилась на химика и теперь работала вместе с Машей и Глашей на одном комбинате.

Маша снова мысленно вернулась к предновогодней карусели прошлого года, а потом и к самому балу. Праздник удался. Был он ярким и весёлым. И Маша чувствовала себя головокружительно счастливой, пока Ростик на белый танец не пригласила Виола.

Он тогда улыбнулся Маше и сказал:

– Извини, я скоро.

Белый танец закончился, заиграли вальс, потом что-то бравурное, музыка сменилась уже несколько раз. А Ростик всё не возвращался. Маша стояла одна-одинёшенька, и по её щекам текли крупные слёзы.

Потом её отыскала Глаша. И спросила:

– Что случилось? Почему ты одна? Где Ростик? Вы что, поругались?

– Нет.

– Тогда что?

– Его увела Виола.

– Что значит увела? – не поняла простодушная Глаша.

У Маши не было сил что-либо ещё отвечать подруге, она просто кинулась прочь. Глаша побежала за ней. Девушки поймали такси и поехали домой к Маше. Хотя Маша сначала не хотела, чтобы Глаша ехала с ней. Но Глафира Прянишникова, когда надо, умела быть упрямой. И на этот раз она настояла на своём.

Уже в такси буквально взорвался от звонков Глафирин телефон. И, взяв трубку, она принялась объясняться со своим молодым человеком. Урезонить Азамата было не так-то просто. Его кавказская кровь бурлила, как горная река. Глафира пыталась говорить шёпотом, объясняя сложившуюся ситуацию. Но Азамат ничего не хотел слышать и требовал:

– Адрес! Адрес давай!

– Какой ещё тебе адрес?! – рассердилась Глаша.

– Подруги! – рявкнул в трубку Азамат.

Глафира вздохнула, покосилась на плачущую Машу и назвала её адрес. Азамат сразу отключился. Каким-то непостижимым образом, когда такси остановилось возле подъезда Маши, Азамат был уже там. Он буквально отплясывал на месте от злости и от мороза. Его глаза сверкали. Но, увидев Машу и Глашу, он смирил свой нрав. Они втроём вошли в квартиру, Азамат снял с девушек шубки и велел им идти умыться и припудрить носики. А сам ринулся на кухню. Окинул её взглядом и, решив, что она вполне сойдёт за столовую, стал накрывать на стол.

Через некоторое время на кухню пришла только Глаша.

– А где твоя подруга? – спросил Азамат.

– Я её напоила валерьянкой и уложила в постель.

– Ты можешь сказать мне, что случилось? Почему мы в слезах, соплях и спешке слиняли с такого прекрасного праздника?

– Наверное, могу, – немного подумав, сказала Глаша, – только ты пообещай, что никому не расскажешь.

– Мамой клянусь!

– Мамой не надо, – мягко сказала Глафира, – я твою маму очень уважаю.

– Я её сам люблю!

– Дай мне честное мужское слово, – сказала девушка.

– Бери! – разрешил он.

– Нет, ты скажи: «Даю честное мужское слово, что никому не расскажу о том, что мне сейчас расскажет Глаша».

– Даю честное мужское слово, – сдался Азамат.

Мама Азамата была русской, но свою внешность Азамат унаследовал от отца, вернее, он был его точной копией в хорошем смысле этого слова. А характер...

Характер у него проявлялся по-разному. После того как Глаша рассказала ему о том, что случилось с Машей, он сразу предложил:

- Хочешь, я прямо сейчас поеду, найду его и прирежу, как барана?
- Да ты с ума сошёл! – всплеснула руками Глаша.
- А что тут такого?! – не мог успокоиться Азамат.
- Ничего, кроме того, что тебя посадят! А ты обещал на мне жениться весной.
- Одно другому не мешает!
- Слышать этого не хочу!

Тут в Азамате проснулась материнская половина характера, и он вполне спокойно спросил:

- А чего ты предлагаешь?
- Выдрать Виоле все волосы сверху и снизу! – неожиданно вспыхнула Глафира.

Азамат расхохотался:

- Ай да Глаша, ай да миролюбец!
- Перестань хохотать! Признаю, не права. Погорячилась.
- Давай выпьем шампанского, – предложил он.
- Давай! – махнула рукой Глаша.

Они пили шампанское и ели фрукты. Потом Глаша сказала:

- По-моему, самое разумное – убедить Машу выбросить Ростислава из головы.
- Из сердца, ты хотела сказать, – заметил Азамат.
- И оттуда тоже.
- Думаю, что это будет нелегко.
- Наверное. Но глупо истязать себя из-за парня.
- А если бы я так? – неожиданно спросил Азамат.
- Что так? – удивилась Глаша.
- С Виолой связался.

Глаша положила в рот конфетку, прожевала её и сказала:

- Зарезала бы – и дело с концом.
- Что бы сделала? – подавился Азамат сочной грушей.
- Чего слышал.
- Но тебя бы посадили!

– Ну и что, – хладнокровно отозвалась Глаша, – сидела бы себе и интеллектуальный уровень повышала.

Глядя на её делано равнодушное лицо, Азамат не выдержал и рассмеялся. А потом спросил серьёзно:

- Ты меня любишь?
- Очень!
- И я тебя очень, очень. Глашка ты моя родная!

Азамату очень нравилось её имя. Хотя сама Глаша не было от него в восторге до поры до времени. Она рассказала Азамату, что мама назвала её так в честь героини старого фильма «Свинарка и пастух», который она смотрела в роддоме: в тот миг, когда Глаше объяснялся в любви прекрасный горец, у неё начались роды. Поэтому новорождённую дочь она, не раздумывая, назвала Глашей.

Азамат сразу сказал, что полностью поддерживает её мать и ему имя Глафира очень-очень нравится.

- Правда? – спросила растроганная Глаша.
- Мамой клянусь, – прозвучало в ответ.

Относительно Маши Азамат оказался абсолютно прав. Мария не желала выбрасывать Ростика ни из головы, ни из сердца. Хотя, когда он появился в квартире Марии, она набросилась на неверного возлюбленного с укорами. Но он остановил её жестом и сказал с ухмылкой:

– Прошла любовь, завяли помидоры.

Ростислав собрал свои вещи и отбыл в неизвестном для Марии направлении. Хотя нетрудно было догадаться, что Ростислав переехал на квартиру Виолы. Просто думать об этом Маше было невыносимо больно.

И вот прошёл почти год. До Нового года оставалось всего две недели, и Мария затосковала с новой силой. Несмотря на все усилия Глаши, бессонными ночами она разрабатывала всё новые и новые планы по возвращению себе Ростислава. Подруге она, разумеется, ничего об этом не говорила.

За всё это время Маша ни разу не видела ни Виолу, ни Ростислава. От Азамата она знала, что Глаша порвала с Виолой сразу после того, как она отбила у Марии Ростислава. Со слов Азамата, бывшие подруги так сильно разругались, что прямо-таки шипели друг на друга от злости. Азамат всячески пытался развеселить Марию и предложил ей нарисовать в воображении два раскалённых камня, на которые кто-то плеснул холодной воды.

– Представила? – спрашивал он. Она только кивала в ответ.

– Слышала, как камни зашипели?

Мария снова кивнула. Ей не хотелось огорчать доброго парня неблагодарностью.

– Во! И Глашка так с Виолкой шипели.

– А что в это время делал ты? – не выдержала и поинтересовалась Маша.

– Стоял в сторонке, – пожал он плечами, – и наблюдал, чтобы они друг дружке в волосы не вцепились.

– А если бы дело дошло до потасовки, неужели ты бросился бы их разнимать? – с сомнением спросила девушка.

– А то, – ответил он.

– Так тебе самому досталось бы по первое число!

– Неважно. Для меня сохранность любимой девушки дороже нескольких Виолкиных царапин.

– Боюсь, что в пылу драки тебе досталось бы и от Глаши, – невольно улыбнулась Мария. Обрадованный тем, что вызвал её улыбку, Азамат притворно равнодушно ответил:

– Ну и пускай бы.

– Повезло Глашке с тобой! – искренне выдохнула Мария.

– И тебе обязательно повезёт! – заверил её Азамат.

– Ты думаешь? – неуверенно протянула она.

– Уверен! А пока считай, что счастливо отделалась от предателя.

Машины глаза увлажнились, и она быстро отвернулась, не желая, чтобы Азамат заметил её слёзы. Всё время, прошедшее после расставания с Ростиславом, Маша выходила из дома только по необходимости. Ведь работу и походы за продуктами никто не отменял.

Но Глаша постоянно старалась вытащить подругу то на прогулку, то в театр, то в музей. Иногда ей это удавалось. И на сегодняшней их встрече в кафе настояла Глаша.

Маша вышла из дома и медленно побрела давно знакомой дорогой в крохотное кафе «Веретенце». На лицевой стороне здания размещалась мозаичная картинка, на которой синеглазая красавица с толстой русой косой, в сарафане и кокошнике крутила на золотом блюде веретено, и прядлась пряжа, и вилась нить... судьбы.

Глаша обожала это кафе в силу своей романтической природы, а Маше оно нравилось потому, что находилось недалеко от её квартиры и она всегда, даже в зимнюю стужу, могла дойти до него пешком. Вот и сегодня она шла не спеша и не глядя по сторонам. С деревьев слетал нависший после снегопада снег и падал ей под ноги.

Когда Маша вошла в кафе, то сразу увидела Глафиру. Глаша сидела за столиком у окна и, видимо, высматривала её. Она сразу же улыбнулась подруге и помахала рукой. Маша покорно подошла к её столику и села.

Глаша невольно вспомнила, как совсем недавно Азамат ей сказал:

– Ох и не нравится мне твоя подруга!

– Какая? – не сразу сообразила Глаша.

– Так у тебя же теперь одна подруга! Машка!

– И чем она тебе не нравится? – встала в позу Глаша, собираясь защищать Марию от нападок.

– Тем, что она как овца!

– Что?!

– Вот ты не видела, как выглядит овца, которую ведут на заклание?

– К счастью, нет!

– Так вот, поверь мне на слово, твоя Машка точь-в-точь эта овца.

Глаша тогда обиделась на своего сердечного друга и весь вечер, разговаривая с ним, цедила слова сквозь зубы.

– Глаш, – попросил он, – не злись, я же правду сказал. И что-то подсказывает мне, что может рвануть!

– Где рвануть? – не поняла Глафира.

– У Машки твоей! Вот копит она в себе, копит, а потом чаша терпения переполнится – и как рванёт! Мало не покажется.

– Вот ещё, пророк выискался, – отмахнулась Глаша.

Азамат в ответ только вздохнул тяжело. И теперь, глядя на Машу, Глафира почувствовала, как по коже пробежали мурашки: «Неужели, – подумала она, – Азамат прав?»

Но, отогнав от себя тревожные мысли, она улыбнулась подруге и спросила:

– Ну как ты, Маш?

– Нормально, – отозвалась та вяло.

– Где ты собираешься встречать Новый год?

– Дома.

– Одна?

– Одна.

– Может быть, ты придёшь к нам? У нас соберутся родственники.

– Нет.

Глафира вздохнула. А потом проговорила:

– Выходные длинные, не будешь же ты всё время сидеть в четырёх стенах?!

– Я хочу поехать в Троянский лес и покататься на лыжах.

– Одна? – опять спросила Глаша.

– Одна. Мне надо подумать.

– Я бы на твоём месте не поехала.

– Но ты не на моём месте.

– По-моему, тебе нужно отказаться от мысли вернуть его.

– Кого его?

– Сама прекрасно знаешь кого!

– Как ты не поймёшь, я люблю его!

– Глупости.

Маша вскочила со стула и бросилась к выходу.

– Подожди! – закричала Глаша и кинулась вслед за подругой, но потом вспомнила, что не заплатила за чай, который пила в ожидании Марии. Вернулась, положила деньги на столик. А когда она выбежала из «Веретенца», Маши и след простыл. Она стала звонить ей на сото-

вый, но подруга не откликнулась. Глаша решила пойти к Марии домой. Но дверь ей никто не открыл. Тогда она спустилась вниз и спросила мальчишек, катающихся на катке перед домом, не видели ли они Марию Нестерову с третьего этажа. Двое мальчишек ответили, что видели, как она минут сорок назад вышла из дома, и взмахом руки указали в ту сторону, где находилось «Веретенце».

– А назад она не возвращалась? – затаив дыхание, спросила Глаша.

– Нет, не возвращалась.

– Точно?

– Стопудово.

– Спасибо.

Постояв ещё немного возле дома подруги, Глаша позвонила Азамату:

– Маша пропала!

– То есть как пропала? – не понял он.

– Мы были в кафе, она вспылила и убежала. Что делать?

– Глаша, – серьёзно ответил ей молодой человек, – ты не можешь всю жизнь быть нянькой при своей подруге. Давай запишем её к психологу.

– Она ни за что не согласится.

– Тогда она должна сама разобраться со своей жизнью. А сейчас извини, я очень занят.

– Азамат! Азамат! – закричала Глаша.

Но он уже отключился. Глафира тяжело вздохнула, а потом подумала, что Азамат, наверное, прав. И она побрела домой.

Глава 4

30 декабря

– Посмотри за окно! – сказала Вероника своему жениху. – Погоду на улице иначе чем подарком под Новый год и назвать нельзя!

– Это Дед Мороз ради тебя расстарался, – ответил ей парень.

– Ради нас! – поправила она и счастливо рассмеялась.

– Ну что, будем наряжать ёлку? – спросил он.

– Конечно!

Ёлку они ещё вчера вечером внесли с лоджии. Он установил её и закрепил. А наряжать решили сегодня с утра. Вероника отправилась в кладовую и принесла сначала одну, а потом вторую коробку с игрушками.

– Ты знаешь, – сказала она, – раз у нас на следующий год намечена свадьба, то ёлку лучше всего нарядить в белых тонах.

– Логично, – согласился он.

Они стали вешать на ветки большие белые шары, серебряные колокольчики, длинные хрустальные сосульки, белые бусы и белую мишуру. Для того чтобы украсить верхние ветки ёлки, Вероника встала на стул и так старательно делала своё дело, что не заметила взгляда жениха, скользящего по её ногам всё выше.

Поэтому его хриплый голос прозвучал для неё неожиданно:

– Какая ты соблазнительная, моя Вероничка.

Она чуть не упала, когда он обнял её ноги и стал покрывать их поцелуями.

– Ты уронишь меня, – прошептала она, пьянея.

– Я с ума от тебя схожу! – Он подхватил её на руки и понёс в спальню.

– А как же ёлка? – тихо рассмеялась она.

– Ёлка уже наряжена. Можно сказать, одета! Тебя же я хочу раздеть! И притом немедленно!

Она обвила его шею руками и прижалась к его губам. Он остановился и, лишь оторвавшись от её губ, продолжил путь, бормоча на ходу:

– Если ты так сделаешь ещё раз, то я точно уроню тебя, вернее, мы упадём вместе.

Но уронил он её только на кровать и сразу принялся раздевать. Она то помогала ему, то мешала и всё время тяжело дышала. Ей не хватало воздуха от избытка чувств.

– Я люблю тебя! – выкрикнула она перед тем, как он навалился на неё всем телом и зажал рот нетерпеливым поцелуем.

Вероника вся устремилась навстречу любимому, ей хотелось слиться с ним, стать одним целым и никогда не размыкать объятий. На пике блаженства она вскрикнула и заметалась, царапая его спину ногтями. Он вскрикнул, и она почувствовала, как его упругое мускулистое тело стало мягким и точно растеклось на ней. Через минуту он уже лежал рядом, и ей показалось, что он уснул.

– Ты спишь? – спросила она.

– Нет.

– Почему ты молчишь?

– Думаю.

– О чём?

– Ни о чём, а о ком, – рассмеялся он, – о тебе, моя мышка-глупышка.

- Я не мышка и не глупышка, – она потёрлась щекой о его плечо, – и ты это знаешь.
- Конечно, знаю, ты моё сокровище, моя жар-птица.
- Поцелуй меня, – попросила она.

Он жадно впился в её губы.

– Нет, не так!

– А как?

– Нежно-нежно.

– Покажи, я не умею, – улыбнулся он, и она стала покрывать его лицо, шею, плечи, грудь едва уловимыми скользящими поцелуями. Ему показалось, что он стоит под тёплым душем и ласкающие струи текут по всему его телу.

– Мне абсолютно не хочется выбираться из постели. – Он принялся целовать её.

– Мне тоже, – она, смеясь, попыталась освободиться от его объятий, – но нам до Нового года надо ещё переделать столько дел!

– Не сейчас, – выдохнул он ей в ухо, кусая мочку.

– А когда? – слабея, спросила она.

– Чуть позже...

Из постели они выбрались только спустя два часа. И после душа и лёгкого перекуса принялись доделывать оставшиеся предновогодние дела. Перед сном он предложил прогуляться, и она с радостью согласилась.

Потом был поздний ужин, за которым она напонила:

– Ты не забыл, что вечером первого нас ждут в гости мои родители?

– Как я мог об этом забыть? – улыбнулся он.

– Папа обещал сюрприз!

– Самый большой сюрприз я уже получил от него!

– Разве? – Она сделала большие непонимающие глаза.

– Конечно! Это ты!

Она вспыхнула от радости и, дотронувшись до его руки, тихо спросила:

– Ты правда так думаешь?

– Ну, ещё бы! И вскоре я тебе это снова докажу. – Он многообещающе улыбнулся.

– Неужели у тебя ещё остались силы после дневной акробатики? – шутливо подначила она его.

– У меня ещё о-го-го сколько сил! Может быть, нам не стоит откладывать доказательства в долгий ящик? – Он подмигнул ей.

– А убирать со стола, мыть посуду... – капризно надула она губы.

– Утром, дорогая, всё утром.

– А завтра уже 31 декабря.

– Да, завтра. – Он поднял её со стула и прижал к себе, потом поднял её подбородок. – Вероничка! Я хочу тебя! Я постоянно хочу тебя!

– Я тебя тоже, любимый.

Через несколько минут они уже были в постели. Но едва их обнажённые тела сплелись, зазвонил его сотовый. Они одновременно вздрогнули.

– Ты не отключил его? – спросила Вероника.

– Извини, забыл. – Он потянулся к телефону.

– Кто это? – спросила она, непонятно почему встревожившись.

– Никто. Я сейчас. – Он завернулся в простыню и выскользнул из спальни.

Веронику точно кто-то подтолкнул, и она, стараясь ступать бесшумно, прокралась к двери и слегка приоткрыла её. Он сидел спиной к ней на диванчике в коридоре и сердито выговаривал:

– Я сказал тебе, чтобы ты забыла этот номер и никогда больше не звонила мне.

Вероника догадалась, что её жениху звонит бывшая, она закусила губу. Но дальше слушать не стала, вернулась в постель.

А между тем разговор между парнем и позвонившей ему девушкой был таков:

– Я жду тебя 31-го. Иначе ты знаешь, что будет.

– Ну что? Что может быть? Идиотка! Как ты мне надоела!

– Твоя невеста и её богатенький папенька узнают, что я беременна!

– Врёшь ты всё!

– Доказательству, которое у меня в животе, уже четыре месяца! Ты ведь помнишь нашу последнюю ночь?

– Какая ночь?! Что ты брешешь?! Я зашёл к тебе только сказать, что между нами всё кончено.

Она расхохоталась:

– И набросился на меня сразу в прихожей!

– Это ты меня соблазнила! Змея!

– Ещё скажи, что я тебя изнасиловала, – снова засмеялась она.

– Если ты не оставишь меня в покое, я убью тебя вместе с твоим отродьем! – прошипел

он.

– Это и твоё отродье! – Её хохот ударил его наотмашь.

– Ты не посмеешь!

– Ещё как посмею! Если завтра ты не придёшь ко мне, то после праздников всё станет известно и твоей невесте, и её родичам! – Она бросила трубку.

– Стерва! – сорвалось с его губ. Он впился зубами в собственную руку. Ему хотелось кататься по полу и рыдать. Уже сколько раз он клял себя последними словами за то, что не сдержался в ту их последнюю встречу и переспал с ней. Но кто же знал, что она забеременеет! Если Вероника узнает об этом, то не простит его. А уж будущий тестюшка точно вышибет с тёплого места, на которое сам же его и впихнул, под зад коленом. Нет! Этого нельзя допустить! Надо обязательно что-то придумать и заставить её замолчать. А сейчас вернуться к Веронике и вести себя так, как будто ничего страшного не произошло. Он заставил себя встать, нацепил на лицо улыбку и вернулся в спальню. Вероника сидела на постели, уперев подбородок в колени.

– Ты чего, малыш? – спросил он игриво.

– Это опять она тебе звонила.

– Ну, звонила, подумаешь.

– Ты же сказал, что давно порвал с ней.

– Конечно, порвал. Разве я стал бы тебя обманывать?! – сделал он вид, что обижен её недоверием.

– Почему же она тебе звонит?

– Такая навязчивая! Я же не виноват, что она прицепилась ко мне как репей!

– Поговори с ней ещё раз! Скажи, что ты женишься!

– Я уже говорил, – нахмурился он.

– Смени номер!

– Хорошо, сменю.

– Ты позволишь ей испортить нам Новый год?

– Разумеется, нет.

Девушка заплакала.

– Вероничка! Девочка моя! Не стоит она твоих слёз. Я сменю номер, завтра же! Я обещаю тебе! Вот прямо утром встану и пойду куплю новую симку.

– Правда?

– Конечно!

– А почему же ты раньше... – начала она, но прикусила губу, решив не усугублять ситуацию.

Он сел рядом с ней и обнял её, потом повалил на спину и стал ласкать, но она отодвинулась:

– Нет, пожалуйста, сейчас не надо.

– Не надо так не надо, – легко согласился он. Ему и самому было уже не до секса.

Он не спал всю ночь, но не решался лишней раз пошевелиться. Разные мысли лезли в его голову. Было ясно одно – вопрос нужно решать кардинально. Он прислушивался к ровному дыханию невесты и надеялся, что она спит. И в то же время подозревал, что она точно так же, как и он, только притворяется и старается не шевелиться.

Проснулись они рано и как будто бы одновременно. Сразу после завтрака он пошёл в коридор и стал обуваться.

– Ты куда? – удивилась она.

– Симку менять, как и обещал вчера.

– А... Ты надолго?

– Нет, конечно.

– Может, мне пойти с тобой?

– Зачем? – удивился он и быстро добавил: – Лучше выбери свечи, которые мы сегодня будем зажигать.

– Хорошо. И на обед приготовлю тушёную рыбу.

– Отлично! – ответил он, надел куртку, и входная дверь захлопнулась за ним.

Вероника подошла к окну на кухне и увидела, что он уже спустился вниз и машет ей рукой. Она помахала в ответ и рассеянно улыбнулась. Ей стало казаться, что опасность миновала. Вчера ей сделалось страшно: вдруг он решит вернуться к бывшей, ведь она такая красавица. Вероника видела соперницу всего один раз, но её внешность произвела на неё неизгладимое впечатление. Она даже один раз спросила его, как он решился уйти от такой красавицы к ней.

– Дело не во внешней красоте, – серьёзно заявил будущий жених Веронике, – а в том, что у девушки внутри. – Он ласково провёл рукой по груди Вероники.

И она ему поверила. Наверное, потому, что очень хотела поверить.

Бывшая время от времени звонила ему, и он сердито выговаривал ей, упрекая за навязчивость. А четыре месяца назад его терпение закончилось, и он сказал, что отправляется к ней, чтобы поговорить и окончательно расставить все точки над *i*. После этого звонки вроде бы прекратились. И вот опять! Вероника удивлялась тому, как это девушка может вообще не иметь гордости и преследовать парня, который знает её не хочет.

Глава 5

31 декабря можно назвать днём надежд и ожиданий, потому что подавляющая часть человечества живёт в предвкушении чего-то нового и хорошего.

Однако это не относилось к Марии Нестеровой. Она не ждала от жизни ничего нового и тем более хорошего. Трудно представить, чего бы не отдала Маша и на что бы она не решилась ради возможности вернуться в предыдущий год, когда Ростик был с ней и её счастье казалось неоглядным и бесконечным. А теперь...

Мария вновь и вновь перебирала в памяти дни и ночи, когда они были вместе, задерживаясь мысленно на том или ином особенно ярком мгновении. Глаша постоянно твердила ей, что нельзя жить в прошлом, надо двигаться вперёд.

Хорошо рассуждать Глафире, у неё есть верный и надёжный Азамат. А куда двигаться ей, Маше? Когда впереди у неё не свет в конце туннеля, а тупик. И притом железобетонный.

Она посмотрела на свою неубранную комнату, вздохнула и решила хоть немного прибраться. Нет, она, конечно, не станет наряжать ёлку, развешивать гирлянды и тому подобное, но пыль вытереть и вымыть пол всё-таки необходимо, а то её квартира совсем уж стала похожа на логово Бабы-яги. Маше не пришло в голову, что у Бабы-яги было совсем не логово, а премиленькая избушка на курьих ножках с печью, кухонной утварью и даже с котом.

Она протирала полки, чистила зеркало, мыла пол, а мысли её по-прежнему были далеки от сегодняшнего дня...

Закончив с уборкой, она выпила чашку чая и, одевшись потеплее, вышла на улицу. Ещё не успевший почернеть снег тихо поскрипывал под её ногами. Она зашла в магазин, купила батон хлеба, два пакета кефира, пакет яблочного сока и небольшую упаковку сыра. Выйдя из магазина, Маша пошла не домой, а куда глаза глядят.

И вдруг перед ней вырос телефон-автомат. Маша остановилась и долго его рассматривала, как ребёнок рассматривает в музее «оживших динозавров». Потом, что-то прикинув в уме, она решительно подошла к нему, набрала знакомый номер и услышала хорошо знакомый голос:

– Алло.

Маша перевела дыхание, она не решалась заговорить. А абонент снова повторил своё «алло». Теперь в голосе слышались нотки нетерпения. В третьем «алло» прорвалось плохо сдерживаемое раздражение.

«Я должна пойти и поговорить с ней», – решила Мария и повесила трубку.

Вернувшись домой, она рассовала продукты по полкам в холодильнике, опустила в спальне портьеры и легла спать. И ей снова снилась закованная в панцирь река, бездонная проружь и тонущая в ней Виола. Но в этот раз Мария не просыпалась от ужаса, она... улыбалась во сне.

* * *

– Кто тебе звонил? – спросил Аркадий Денисович Померанцев свою любимую женщину.

– Никто, – ответила Янина Юрьевна Варфаламеева.

– Как это никто? – удивился он. – Я же слышал, как ты с кем-то разговаривала.

– Аркаша, ей-богу, тебя это не касается, – ответила она, маскируя раздражение насмешливостью.

– Как это не касается! – не согласился он. – Раз мы решили пожениться, то меня касается всё, что касается тебя.

«Вот зануда», – подумала про себя Янина, а вслух сказала:

– Аркаша, это чисто женские дела.

– Неужто это то, о чём я думаю? – воскликнул он с радостным возбуждением.

– Аркаша! Я не медиум и не умею читать мысли. Но если ты действительно хочешь, чтобы мы поехали на дачу, то давай оставим разгадывание шарад и сосредоточимся на приготовлении к поездке. Времени у нас осталось совсем мало.

Он покорно закивал, мысленно возносясь на седьмое небо от счастья. «Янина беременна! – думал он. – Ура! Ура!» А почему нет, сейчас вон женщины и в пятьдесят рожают. А Янине всего тридцать пять. «Она даже моложе жены принца Гарри», – подумал он. С чего Аркадий вспомнил о Меган Маркл, он и сам не знал. Скорее всего, из-за того, что недавно прочитал о её первой беременности в тридцать семь лет. И теперь возликовал: его Янина моложе Меган на два года и тоже беременна!

Как же он хотел этого ребёнка! Аркадий порой впадал в меланхолию и сожалел о том, что не встретил Янину в юные годы. Конечно, они и теперь не старые, ему тридцать четыре, ей тридцать пять, и они уже целый год вместе. А в начале декабря он сделал ей официальное предложение, и она согласилась стать его женой. Свадьбу решили сыграть в марте. Янина обожала мимозы и хотела, чтобы свадебный зал и их спальня в первую брачную ночь были украшены веточками этого растения. Аркадий ничего против мимоз не имел, но при упоминании так называемой первой брачной ночи ухмылялся. Их первая брачная ночь случилась как раз год назад, вернее, в ночь тридцатого декабря на диване в кабинете главы их компании.

Янина доделывала там какие-то срочные документы. А он заглянул туда, чтобы взять необходимую ему папку. Аркадий и не подозревал, что застанет там Янину, а она явно не ожидала его появления. Первые мгновения они смотрели друг на друга, как жители двух разных планет. А потом произошло что-то нереальное! Они набросились друг на друга, как два изголовавшихся дикаря.

Позднее Янина утверждала, что первым бросился к ней Аркадий. А Аркадий был уверен, что это Янина набросилась на него, оттолкнула его к дивану и буквально запрыгнула на него. Но послевкусие от их секса было таким сладким, что они дружно решили не делать попыток установить истину, в смысле кто же был первый...

Долгое время они скрывали свои отношения, встречаясь тайно, то у неё, то у него. Но потом решили, что скрывать глупо, тем более что уже все коллеги заметили, что они буквально светятся от счастья.

И вот теперь этот таинственный звонок. Аркадий больше не сомневался в том, что Янине звонил её гинеколог. Он жалел о том, что не сумел подслушать их разговор. «Наверное, Янина ходила на УЗИ и уже знает, кто у них родится, мальчик или девочка. Как интересно!» Хотя на самом деле Аркадий был бы рад ребёнку любого пола. В глубине души он надеялся, что со временем у них будет и сын, и дочь.

«Интересно, когда же она скажет мне, что беременна? – гадал он и млел. – Наверное, когда часы начнут бить двенадцать».

Аркадий Денисович, пребывая в своих грёзах, рассеянно улыбался. Его руки сами что-то складывали в корзину.

Он вздрогнул от окрика Янины.

– Аркадий! Зачем ты запихал туда собаку?!

– Какую собаку? – проговорил он, изумлённо взглянув на Янину.

– К счастью, игрушечную, – ответила она, достала собаку и потрясла ею перед носом Померанцева.

– Извини, я, кажется, задумался.

– Ты прямо как старая барыня на вате.

– Какая такая барыня? – возмутился он и спросил: – А плед брать?

– Не надо! Ты же уже был на моей даче! Там всё есть.

– Ага, – ответил Аркадий и машинально уложил плед в корзину. Сверху он сложил то, что приготовила к укладке Янина, и с чувством выполненного долга опустил крышку и застегнул замочек.

– Аркаша! Неси всё вниз! – донёлся до него голос Янины из кухни.

– Несу, дорогая! – Он послал ей воздушный поцелуй и только потом сообразил, что она не видит его через стену, поэтому крикнул: – Чмоки! Чмоки!

– Взаимно, Аркашечка! Да, забыла тебе сказать, нам по пути нужно ещё в одно место заехать.

– Заедем, – не придавая большого значения её словам, отозвался он.

* * *

Глаша и Азамат собирались отмечать Новый год в квартире Глаши в компании её и его родителей. Запланировано было, что это будет не просто встреча Нового года, но и помолвка.

Азамат возился на кухне с мясом, ревностно не допуская к нему Глафиру. А Глаша наряжала небольшую, но пушистую ёлку, которую Азамат закрепил на подставке.

Глашина мама накануне привезла коробку старых ёлочных игрушек из дома. Она считала, что игрушки, подаренные Глаше в детстве дедушками, бабушками и родителями, привнесут в новую Глашину жизнь тепло и уют родительского дома. Глаша не стала спорить с матерью, решив повесить на ёлку и старые игрушки, и те, которые купил недавно Азамат. «Пусть висят вместе, – думала она, – и привыкают жить в гармонии».

Время от времени Глаша прерывала своё занятие и приходила к Азамату на кухню. Она вставала у порога и начинала вздыхать.

– Женщина! Чего тебе? – спрашивал он сердито и добавлял: – Ты мешаешь мне!

– Как я могу тебе мешать? – обижалась Глаша.

– Ты отрываешь меня от творческого процесса!

«Тоже мне творческий процесс – мясо жарить», – думала она про себя, но вслух своих крамольных мыслей не высказывала. Вместо этого она сопела, как соседский широколобый щенок, добиваясь внимания.

– Глаша! – восклицал Азамат. – Опять ты за своё!

– Азамат! Родненький! Я так беспокоюсь за Машку!

– Она взрослый человек.

– Но она в депрессии!

– В чём в чём она?

– В депрессии!

– Ты нянчилась с ней целый год! И я тоже.

– Но, может, я съезжу и взгляну на неё хотя бы одним глазком? – продолжала канючить Глаша.

– А может, нам вообще помолвку отменить? – предложил Азамат.

– Нет, не надо! – испугалась не на шутку Глаша.

– Почему это не надо? – спросил он. – Ну её на фиг, нашу с тобой личную жизнь! Можно ещё и с работы уволиться! И посвятить всё своё время Маше!

– Азамат! Ты же знаешь, я совсем не это хотела сказать!

– Я уже не знаю, что ты от меня хочешь! – начал сердиться он. – Иди наряжай ёлку и оставь меня в покое.

– Ладно, ладно, не кипятись, я ухожу!

– Куда уходишь? – на этот раз испугался он.

– Туда, куда ты меня послал, – невольно улыбнулась она.

- Я тебя никуда не посылал! – Чёрные глаза Азамата смотрели на неё подозрительно.
- А вот и посылал! – притопнула она ногой.
- Куда?!
- Ёлку наряжать!
- А, – успокоился он, – так вот иди и наряжай, – и пробормотал ей вслед: – Говорил же мне отец: «Азамат, сынок, не связывайся с русскими девушками!» А я, идиот...
- Ты не забыл, что у тебя мама русская? – ехидно спросила Глаша, приостановившись.
- Э! Женщина! Ну и уши у тебя! И вообще, не трогай мою маму!
- А вот и трону! – Глаша показала ему язык. – Как только твоя мама переступит порог, я сразу обниму её! Получил! Да?!
- Азамат замахал на неё руками, потом подошёл к двери и закрылся на кухне изнутри.
- Эй, ты! – Глаша заколотила по двери кулачками.
- Женщина! Не безобразничай! Иди наряжай ёлку!
- Раскомандовался тут, – проворчала Глаша и вернулась к наполовину наряженной ёлке.
- Она уже хотела встать на табуретку, чтобы навесить бусы и дождь, но передумала, села на диван, взяла свой сотовый и набрала номер подруги.
- Мария откликнулась сразу.
- Привет, Глаша!
- Привет, Машунь! Ты как?
- Нормально.
- Глаша старательно прислушивалась к голосу подруги, стараясь понять, в каком она настроении. Хотя и так понятно, какое у Машки настроение.
- Маш! Может, приедешь к нам? Азамат мясо готовит! Запах с кухни – пальчики оближешь! А я ёлку вот-вот закончу наряжать.
- Нет, Глаш! Вы уж как-нибудь без меня. Тем более Азамат сказал, что у вас и празднование помолвки назначено.
- Когда это он тебе сказал? – подозрительно спросила Глафира?
- Дня два назад.
- А зачем он тебе звонил?
- Тоже звал на встречу Нового года.
- Вот змей! А мне ни словом не обмолвился! – возмутилась Глаша.
- Но должны же у него быть хоть какие-то маленькие секреты, – тихо засмеялась Мария.
- Машка, – воскликнула Глаша, – ты смеёшься – и это здорово!
- Я рада, что мой смех тебя радует.
- Если бы ты знала, как радует. – И через секунду Глаша осторожно спросила: – А ты всё-таки решила ехать в лес?
- Решила. Отдохну. На свежем воздухе мои мысли прояснятся.
- Дай-то бог, – тихо обронила Глаша и спросила: – А когда мы с тобой встретимся?
- Пока не знаю. После Нового года созвонимся.
- А давай на Рождество?! – предложила Глафира.
- До него ещё дожить надо, – тихо отозвалась Мария.
- Маша! Не пугай меня! – закричала встревоженная Глаша.
- Я и не пугаю, просто с некоторых пор не люблю планировать заранее, – пояснила Маша.
- Я понимаю тебя, Маш. И очень люблю!
- И я тебя, Глаша, тоже. До связи.
- До связи.
- Глаша задумалась, сидя на диване с телефоном в руках. Она даже не слышала, как в комнату вошёл Азамат, и очнулась, только когда он присел рядом и обнял её за плечи.
- Ты чего пригорюнилась? – спросил он, вынул из её рук сотовый и положил его на стол.

– Так, – неопределённо отозвалась она.

– Машке звонила?

– Ну, звонила, ну и чего?

– Ничего.

– Выяснила, что ты тоже ей звонил.

Он кивнул.

– А мне не сказал, – не удержавшись, укорила она.

– А чего было говорить-то. Вот если бы она согласилась...

Глаша кивнула.

Азамат взял её за плечи и встряхнул.

– Ну, всё! Хватит тут мне хандрить! Скоро родители придут! А у тебя ещё ёлка не до конца наряжена. Быстро за работу! – И, не дожидаясь её ответа, он направился в сторону кухни.

Глава 6

Взглянув на наряженную ёлку, она расхохоталась с каким-то злым торжеством:

– Ты у меня настоящая красная девица!

Ёлка и впрямь была увешана красными шарами, от огромных до самых маленьких, красными гирляндами, красным дождём, и даже пика с острым концом на её макушке была красной как кровь.

– Вот и устроим ему сегодня языческую свадьбу! Чертям станет тошно! – пообещала она вслух то ли себе, то ли ёлке.

В том, что он придёт, она не сомневалась. Она считала, что деваться ему просто некуда. И, оставив свою невесту, он придёт к ней, чтобы... договориться или откупиться. Но она не отпустит его. Она сжала пальцы в кулак. «Вот он у меня где теперь».

И тут некстати ей пришли на ум слова старой соседки о том, что удержать мужчину ребёнком, и даже пятью, ещё никому не удавалось. Эту истину она упустила из вида и теперь металась в поисках выхода.

В конце концов она решила, что доведёт свою игру до конца, а если он всё-таки сорвётся с крючка, то и планируемую им женитьбу она разрушит. Устроит такой скандал, что мало ему не покажется. Он лишится не только невесты, но и работы. И даже если он очухается и решит строить свою карьеру на новом месте с нуля, она, не спуская с него глаз, всюду будет мешать ему, разоблачать и порочить в глазах окружающих. Она загонит его в угол, как подлую крысу. Он ещё попляшет у неё! В ногах валяться будет! Она довольно улыбнулась и подумала: «Я его, конечно, прощу, но сначала помучаю как следует».

Стрелки часов неумолимо двигались вперёд. За окном давно наступил вечер. Но луна, снег и фонари, как три сказочных предновогодних персонажа, взявшись за руки, точно в хоро-воде, не давали темноте завладеть городскими улицами, площадями и дворами. Повсюду растекался, дрожал и мерцал свет. Зыбкий, волшебный свет.

Она, не занавешивая окон, зажгла свечи перед зеркалом и стала рассматривать свою фигуру, отражающуюся в полный рост. «Хороша!» – довольно подумала она. Даже не надо спрашивать: «Свет мой зеркальце, скажи...» И так всё ясно. Живота пока незаметно, и токсикоз её миновал. Лицо у неё вообще писаной красавицы. Белая кожа, румяные щёки, глаза синие-синие, ресницы и брови не то чтобы чёрные, но тёмные. Можно даже без макияжа в свет выходить. Вот только волосы приходится красить. Свои у неё каштановые. Но она с детства мечтала стать платиновой блондинкой. И стала ею.

Она вспомнила, как увидела его впервые и сразу же решила, что он будет принадлежать ей! И только ей. Увести его у предыдущей возлюбленной не составило никакого труда. Он не смог устоять перед соблазном обладать такой красавицей, как она. Им было хорошо вместе. Одно только удручало влюблённую пару – недостаток денег. И она, и он работали и неплохо зарабатывали, но оба мечтали о шикарной жизни, загородном доме, огромном джипе, поездках за границу. Он грезил о яхте, а она – о драгоценностях и мехах.

И вот однажды ему предложили работу, о которой можно было только мечтать. Он сказал, что туда пристроил его сокурсник, с которым он случайно встретился на улице. И она ему поверила! Наверное, потому, что очень хотела поверить.

Первые два дня были волшебными, а потом он стал задерживаться по вечерам, ссылаясь на то, что нужно вникнуть в курс дела, попрочнее закрепиться на новом месте и создать себе репутацию незаменимого работника. Она скрежетала зубами, но признавала, что он прав...

Так продолжалось около месяца, а потом он, выбрав время, когда её не было дома, собрал свои вещи и исчез. Его телефон не отвечал. Она догадывалась, что он видит её высветившийся

номер и специально не отзывается. Она кинулась в фирму, о которой он ей так образно рассказывал, но оказалось, что там никогда разыскиваемый ею человек не работал.

И тогда она сообразила! Купила другую симку, позвонила ему и тотчас услышала его голос:

– Алло!

– Алло, любимый!

– Ты?

– Не вздумай бросать трубку! Я выследила, где ты теперь ночуешь, и, если не будешь отвечать на звонки, предстану перед очами твоей новой пассии!

Она блефовала. Но он поверил и промямлил:

– Она не пассия.

– А кто же?! – взвилась она.

– Любовь всей моей жизни, – заявил он твёрдо. И она почувствовала запах денег. Любовь всей его жизни могли быть только деньги, вернее, большие деньги.

И в это самое время перед ней открылась ужасающая истина – с любимым рай в шалаше. Это правда! Ей не нужны были меха, драгоценности, загородный дом, шикарный автомобиль. Ей нужно было только вернуть его!

Но она не знала, как это сделать. И продолжала названивать ему каждый день. А он не отключался, опасаясь, что она выполнит свою угрозу и нагрнет в тёплое гнёздышко, в котором он только недавно устроился. Наконец оба поняли, что дальше так продолжаться не может, и договорились встретиться, чтобы всё обсудить. Она предложила встретиться у неё, и он согласился. Это было большой ошибкой с его стороны. Она встретила его в прихожей в прозрачном пеньюаре, пахнувшая духами, которыми душилась всегда перед тем, как лечь с ним в постель. И он не устоял! Кто сделал первое движение навстречу другому, неизвестно, но они слились в страстных объятиях. Потом был спонтанный секс прямо в прихожей. Через минуту после последнего содрогания он пришёл в себя и понял, что натворил! Он трусливо сбежал. А потом гадал, где именно она поставила камеру, которая сняла их сексуальный порыв. Он ждал, что она станет требовать денег, и готовился откупиться. Но всё оказалось гораздо хуже! Она отказалась от денег и потребовала, чтобы он вернулся к ней. Он днём и ночью думал о том, как вывернуться из этой ситуации, и в конце концов решил, что скажет любви всей своей жизни, что секс на кассете был до знакомства с ней. Она должна поверить и простить его! Ведь он же не спрашивает у неё, кого она любила до него. И вообще, сколько у неё было любимых. Он уже начал успокаиваться, думая о том, что просто пойдёт подальше свою преследовательницу. Если хочет, то пусть является и вываливает свои доказательства. Он от всего отопрётся.

Но тут случилось непредвиденное! Она заявила, что беременна. И срок указывает на то, что забеременела она именно в их последнюю встречу. И тут уже не отопрёшься. Тут надо решать вопрос кардинально...

Стрелки продолжали двигаться, и она не сводила с них глаз. Он скоро должен прийти. До двенадцати оставалось совсем немного...

Она нежно погладила свой живот и ласково проговорила:

– Скоро придёт твой папочка. Он увидит, что ты его кровиночка в моём животике, и останется с нами навсегда.

Было непонятно даже ей самой, кого она старается утешить этими словами: своего будущего ребёнка или себя саму. Было без десяти двенадцать, когда ей показалось, что она слышит торопливые шаги на лестнице, потом на площадке, что они приближаются к её двери. Да! Да! Её сердце забилося так часто, что, казалось, ещё немного и оно выскочит из груди. Раздался звонок.

– Это он! – закричала она. Сорвалась с места и бросилась к двери. Ей не пришло в голову, что сначала нужно посмотреть в глазок – настолько она была уверена, что за дверью стоит он.

Но это была её заклятая подруга. От неожиданности она отступила назад. И та, другая, ворвалась в прихожую. Через миг они уже сцепились! Дрались и царапались молча. А потом ей удалось вывернуться, она отскочила на шаг и с диким шипеньем плюнула в лицо пришедшей. А та в свою очередь вlepила ей пощёчину, а потом толкнула со всей силы. Она не устояла на ногах и упала. Затылок разорвался от боли, и всё потемнело в её глазах. А заклятая подруга тем временем, ни разу не обернувшись, убежала прочь.

* * *

Аркадий Денисович Померанцев, конечно, был не мальчик и прожил на белом свете целых тридцать четыре года. За это время он многое успел узнать. В том числе был наслышан и о причудах беременных. Но то, что выкинула Янина, поставило в тупик даже его. Они собрали всё необходимое и собрались ехать на её дачу, чтобы там и встретить Новый год. Они даже спустились к машине. Но в последнюю минуту Янина передумала и заявила, что Новый год они встретят в городской квартире, а сразу после двенадцати поедут на дачу.

Он опешил! Ему хотелось топтать ногами и ругаться, как слесарь Сан Саныч из его детства, которого никто и никогда не видел трезвым. Но, вспомнив о том, что Янина носит его ребёнка, он сдержался и, ни единым словом не выдав своего негодования, поднялся следом за ней в квартиру. Янина была задумчива, если не сказать печальна...

Но Аркадий решил ни о чём её не спрашивать, он даже успел сбегать на ближний рынок и купить небольшую ёлочку. Нарядил её, настрогал салат и засунул в холодильник.

– Зачем? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Ну, если ты решила встретить Новый год здесь, то хотя бы так...

– Мы сразу после двенадцати уедем, – напомнила она.

– Хорошо, но тем не менее...

Однако она не стала его слушать и надолго заперлась в ванной. Аркадий продолжал недоумевать и ждал, что она вот-вот выйдет и скажет: «Поехали».

Но этого не случилось. После ванной она села в кресле и начала читать журнал. Только ему почему-то казалось, что она вовсе его не читает, а просто тупо смотрит на страницу.

Аркадий начал нервничать. Он уже собирался спросить её, что происходит. Но потом передумал и решил, что спросит позднее. Стрелки показывали полдвенадцатого. С шутками-прибаутками он разложил по тарелкам салат, бутерброды с икрой и разлил шампанское.

– Ну, иди к столу, – позвал он Янину.

Она подошла и молча села. Они выпили за Старый год. Потом за Новый.

И тут она сказала:

– Всё! Поехали!

Время было десять минут первого. Они сели в машину и некоторое время ехали молча, а потом она сказала:

– Сверни налево, мне нужно по делу заехать на минутку в одно место, – Янина назвала адрес.

– Какие дела в новогоднюю ночь? – спросил он.

Она ничего не ответила.

Глава 7

Ночь была тёплой и светлой. На улице никого не было, но с площади доносились радостные крики, смех, звуки музыки. Взметались ввысь разноцветные огни. Наступил Новый год! Но она шла, опустив голову, и ничего не замечала вокруг. Слезы застилали её глаза, текли по щекам, капали на воротник. Ей казалось, что её жизнь закончилась. Хотя ещё час назад она была уверена, что пойдёт, разберётся и сбросит ношу, весь год давившую на неё, и с плеч, и с души.

Но увы! Ослепительный вид соперницы разъярил её, и, вместо того чтобы поговорить, она затеяла драку. «А он даже не вышел, чтобы разнять их, – подумала она, – зато сейчас, наверное, утешает и целует её соперницу».

– Целует! – воскликнула она и заскрежетала зубами.

– А хочешь, я тебя поцелую? – донеслось до неё.

Она подняла глаза и увидела перед собой весёлого Деда Мороза. Он озорно подмигнул ей.

– Вам чего, дедушка? – спросила она.

– Да вот ищу свою Снегурочку, – улыбнулся он во весь рот.

– Ну и ищите себе. Дайте мне пройти.

– Сдаётся мне, что моя Снегурочка – это ты, – продолжал он улыбаться.

– Шутите? – Она сделала шаг в сторону, пытаясь обойти его.

– Какие уж тут шутки, – проговорил он, став серьёзным, – ты вот, вижу, плачешь...

– Вам-то какое дело?

– Я же какой-никакой, а волшебник. Позволь мне совершить чудо.

– Какое ещё чудо?!

– А вот такое! – Он наклонился и прильнул к её губам.

Она почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног.

– Что вы делаете? – прошептала она с трудом.

– Пытаюсь отогреть тебя.

Губы его и впрямь были горячими, точно огонь. «Ещё Дед Мороз называется», – невольно подумала она.

– Тебе негде жить? – спросил он.

– Ну что вы! Мне просто незачем жить! – вырвалось у неё.

– А давай пойдём к тебе, и ты мне обо всём расскажешь.

– Не хочу я ничего рассказывать!

– Не хочешь – не надо, – покладисто согласился он, – просто посидим вместе. Праздник всё-таки.

– Праздник, – неожиданно согласилась она. Дед Мороз. А ей всё равно. На сердце у неё холодно и пусто.

– Ну, что ж, пошли ко мне, – сказала она и привела к себе ночью совсем незнакомого Деда Мороза.

«А впрочем, Дед Мороз – он и есть Дед Мороз», – подумала она.

– Я гляжу, у тебя и ёлки нет, – сказал он. – Хоть бы искусственную поставила.

– Зачем?

– Так Новый год же!

Она пожала плечами и спросила:

– А ты что, бездомный?

– Как это бездомный? – удивился он.

– Чего же ты на Новый год по улицам бродишь?

– Я не брожу. Просто поздравил племянников и маму с Новым годом, а потом пошёл к друзьям.

– И не дошёл?

– Не дошёл, – весело согласился он, – тебя вот встретил. – Он достал из своего мешка маленький венок из искусственных еловых веток и игрушек, прикрепил его к пальме, стоявшей на тумбочке. Потом стал выуживать упаковки и свёртки с продуктами, коробку конфет, фрукты, бутылку шампанского. – Давай всё разложим по тарелкам. Где у тебя кухня?

– Там, – указала она за его спину.

И он потопал на кухню. Когда она спустя пару минут пришла туда же, он уже всю хозяйничал, доставая чашки, тарелки.

– А где у тебя фужеры?

– В горке, в гостиной.

– Ага, я буду резать, раскладывать, а ты относить. Шампанское там разольём.

Она почему-то безропотно подчинилась ему. И вскоре они сидели за накрытым столом и праздновали Новый год. Потом он включил телевизор и предложил потанцевать. Так она оказалась в его объятиях. Шампанское ли ударило в голову обоим или что-то другое, но только они начали целоваться. После долгого поцелуя он поднял её на руки и ощутил приятную тяжесть её тела. И хоть его ноша была нелёгкой, но очень приятной. Его захлестнула волна желания. Он донёс её до спальни и осторожно положил на постель.

Он ещё не знал, что ему можно, а что нельзя... Границы дозволенного можно было установить только опытным путём. Осторожно покрывая поцелуями её лицо, шею, грудь, он стал раздевать её. Руки девушки обвили его шею и стали жадно терзать губы. Через минуту она уже рвала в нетерпении его одежду.

– Я сам, – прошептал он.

– Я так хочу тебя! – вырвалось у неё. – Так хочу!

– Я сейчас, сейчас, дорогая.

Он торопливо разделся, не забыв аккуратно сложить на стуле свой костюм Деда Мороза, и лёг рядом с ней. Ещё ни одного мужчину никогда в жизни она не хотела так сильно, как этого человека, которого она совсем не знала. Она жадно охватила взглядом всё его тело, не задерживаясь на лице, на котором остались борода, усы и седые брови. Прижалась обнажённой грудью к его груди и застонала.

И это движение было последней каплей, переполнившей чашу терпения мужчины. Он прижал её к себе, поблагодарив мысленно создателя за этот подарок новогодней ночи. Он почувствовал, как под его ладонью напряглись её твёрдые мышцы, как её сильные ноги железной хваткой обвили его тело. Она была сильной и страстной, именно такой, какой должна быть женщина сильного мужчины.

– Радость моя! – вырвалось у него. – Радость!

Он чувствовал своей грудью биение её сердца. Лучшей музыки в жизни он не слышал. Его руки гладили её бедра, упругий живот, спускаясь всё ниже и ниже.

Она застонала, забилась.

– Я больше не могу, пожалуйста!

А он медлил, продолжая ласкать её... пока она не впилась в его спину ногтями, как разъярённая тигрица. Он вскрикнул от боли и вошёл в неё. Она тотчас ослабила хватку.

– Прости, – прошептали её губы.

Он чувствовал, что растворяется в ней, что больше нет его самого как целостной личности, а есть только горстка жемчуга, упавшего в глубину неоглядного океана, имя которому...

Тут он вспомнил, что имя своё она ему так и не назвала. «А может быть, это и неважно?» – промелькнуло в его мозгу. Он вздрогнул, когда она громко закричала, извилась и рассыпала

стоны, уронив голову на подушку. Внутри него что-то взорвалось, и ослепительный блеск ослепил его, заставив утратить чувство реальности.

– Как хорошо, – донеслось до него откуда-то издалека.

Ему хотелось уснуть прямо на ней сейчас, немедленно. Но он скатился и лёг рядом. Его губы уткнулись в копну её волос, разбросанных на подушке. Он приподнялся на локте, открыл глаза.

– Спи, – сказала она, нежно целуя и обнимая его.

Проснулся он раньше неё и надел свой костюм Деда Мороза. Ведь другой одежды у него просто не было. Он сварил кофе, сделал бутерброды и принёс в спальню. Будить он её не стал. Сидел и ждал, когда она проснётся. А когда она открыла глаза, радостно улыбнулся ей.

– Доброе утро, моя Снегурочка!

– Ты разве ещё не ушёл? – холодно спросила она. Он чуть не выронил из рук поднос, который приготовился опустить на край постели. Уронить он его не уронил, но одна из чашек всё-таки опрокинулась. Он отдёргнул было руку и только тут сообразил, что кофе успел остыть.

– Я сейчас сварю новый, – сказал он.

– Не надо!

– Что не надо?

– Ничего не надо!

– Послушай, что случилось-то?

– А то ты не знаешь, – усмехнулась она.

– Я думал...

– Уходи! Дверь захлопни.

– Хорошо, я уйду! Ты и впрямь холодная, как Снегурочка!

Он встал со стула и направился к двери. Вскоре она услышала хлопок. Вздохнула. Взяла чашку, оставшуюся целой, и выпила холодный кофе. Потом опустила ноги с постели и подумала: «Вот и наступило 1 января».

Через полчаса она с лыжами и рюкзаком покинула дом. Ветер ударил ей в лицо. Она остановилась и подумала, что, может быть, стоит вернуться? Минуту она постояла на месте, а потом, вся осыпанная снегом, продолжила свой путь.

* * *

Глаша проснулась довольно рано для первого числа. Ведь родители ушли уже под утро. Она собиралась сразу же перемыть посуду, но Азамат сказал:

– Спать! Спать! Всё остальное потом.

Первым делом она позвонила на сотовый Маше. Но телефон подруги был отключён. У Глаши всё похолодело внутри. Неужели эта сумасшедшая всё-таки ушла в лес?! Она бросилась в маленькую комнату, где на разложенном кресле-кровати спал Азамат. Уже хотела разбудить его. Но нет, остановилась и замерла на пороге. «Помочь он сейчас ни мне, ни Маше не может, надо дать ему выспаться». И она отправилась мыть посуду.

Глава 8

1 января. Темно. Ещё, можно сказать, ночь. Хорошо, что снег почти прошёл. Они проехали по мосту через речку. Самое ужасное, что на ней даже ночью в непогоду сидели рыбаки. Померанцев заметил тёмные фигуры и подумал: «Что заставило этих людей сидеть возле лунок в новогоднюю ночь? У них что, нет дома? Родных?» Он со злостью захлопнул дверцу машины, приоткрытую по просьбе Янины, которую она озвучила ещё в городе. Так и сказала: «Останови у речки». Он спросил зачем. А она ответила: «Рыбы купим». Ничего не поняв, он списал её просьбу на... беременность.

Аркадий Денисович Померанцев был бесконечно рад, что они наконец-то добрались до дачного посёлка. Хотя здесь рядом с дачами были и дома, в которых люди жили постоянно. «Ага, – сообразил Померанцев, – вот и ворота Янины». Аркадий оглянулся на задремавшую на заднем сиденье Янину. Ему было жаль её будить, но ничего не поделаешь. Вот если бы выехали заранее, как договаривались, то встретили бы Новый год как люди.

Он тихонько позвал её:

– Янина.

– А! – встрепенулась она.

– Приехали. Давай ключ.

– А где речка?

– Проехали.

– Но я просила.

– Зачем тебе ночью речка?

– Проехали, – пробормотала она.

– Ключ, – он протянул руку.

– Я сама открою. – Она выпрыгнула из машины и сразу провалилась в снег. Но всё-таки добралась до ворот и открыла их. Потом забралась обратно в салон, и они въехали на территорию дачи.

Гараж был занесён снегом, и Аркадий, найдя лопату в сарае, в который еле пробрался, принялся чистить снег. А Янина абсолютно без сил сидела на крыльце и смотрела на него.

– Не сиди на снегу! – крикнул он. – Иди в машину.

Но она никак не отреагировала на его окрик. Через некоторое время они перетаскали в дом все, что привезли с собой. Распаковали и разложили по местам.

– Я валюсь с ног, – пожаловалась Янина.

– В следующем году мы приедем сюда 30-го, а лучше даже 29 декабря, и всё у нас будет хорошо.

– Ты думаешь? – спросила она отрешённо.

– Уверен, – кивнул Померанцев и вытер пот со лба.

Справившись с делами, они сели пить чай. И в это время кто-то постучал в дверь.

– Кто бы это мог быть? – спросил Аркадий.

– Вероятно, кто-то из соседей, – вздохнула Янина.

– Как некстати, – обронил Аркадий.

– Да, я сейчас бы легла и, наверное, проспала бы весь день.

Стук повторился.

– Придётся открыть.

– Придётся.

В прихожую ввалился их давний сосед Максим Харитонович Павловский.

– Ребята, как здорово, что вы приехали! – Павловский с порога полез обниматься. Был он весёлый и хмельной.

С Яниной Максим был хорошо знаком, он был старше Варфаламеевой на четыре года и когда-то, как и Янина, жил на даче у бабушки с дедушкой, потом дача перешла его родителям, и отец снёс старый дом и построил новый, капитальный. Но через какое-то время Павловским-старшим надоело жить в посёлке, и они передали дом сыну, который к этому времени уже успел трижды развестись и обрадовался возможности, как он сам выражался, «пожить на задворках цивилизации». Павловский был художником-оформителем, так что мог позволить себе жить в посёлке круглый год, отправляя рекламные картинки и иллюстрации заказчикам по почте. Иногда они приезжали к нему лично, особенно те, кто не прочь был отдохнуть на природе, порыбачить, сходить за грибами и поесть вволю шашлыков, которые отлично готовил гостеприимный хозяин.

– Вы что вчера не приехали? – вопрошал он. – Я к вам несколько раз забегал. Ну, думаю всё, не приедете! Но вы молодцы! – искренне радовался Павловский.

– Максим, пойдём на кухню, – проговорила Янина уставшим голосом, – мы как раз там чай пьём.

– На кухне? – хмыкнул он. – А чего не в каминном зале?

Каминным залом и сами Варфаламеевы, и их соседи называли большую гостиную с камином под старину, который смастерили умельцы по заказу деда Янины.

– Устали очень, – пожаловалась женщина, – и сил разжигать камин нет.

– Так вы сидите, отдыхайте. Я сам всё сделаю!

Максим так давно был вхож в дом Варфаламеевых, что чувствовал в нём себя как дома.

– Максим! погоди! – крикнула Янина. Но Павловский уже отправился в гостиную.

Янина и Аркадий переглянулись. Померанцев махнул рукой – пусть возится, если ему хочется.

– Он не трезв, как бы не спалил дом.

– Не спалит, – обнадёжил её Аркадий.

– Эх, чёрт! – донёсся голос Павловского, а потом послышался звук падения, кажется, стула. Грохот повторился. Видимо, стул был поставлен на место. Павловский заглянул на кухню: – Я домой схожу.

– Зачем? – удивились Варфаламеева и Померанцев в один голос.

– У меня есть яблоневые поленья, сейчас принесу!

– А зачем ему понадобились яблоневые поленья? – спросил недоумённо Аркадий.

– Эх ты! «Темнота, лета не знает», – усмехнулась Янина и пояснила: – От яблоневых поленьев особый аромат.

– А-а-а.

Павловский, наверное, надевал сапоги-скороходы, потому что вернулся он, как показалось хозяевам, почти мгновенно.

– Ну, вот я и пришёл! – прогудел он из прихожей и, не заходя на кухню, протопал в гостиную.

Через некоторое время он появился в проёме кухонной двери, довольный собой.

– Всё готово! Пожалуйте, дамы и господа, в гостиную. И давайте захватим туда чего-нибудь выпить и поесть.

Аркадий достал коньяк и вручил его Максиму.

– Это дело! – одобрил тот и скрылся с их глаз. А Янина стала устанавливать на поднос блюда с закусками, икрой, пирогами, сладостями.

– Ты носи, – сказала она Аркадию, – а я сейчас заново чай заварю.

Вскоре они втроем сидели за большим круглым столом, пили за наступивший Новый год, наслаждались теплом и ароматом, идущими от камина. Потом перешли на обсуждение поселковых новостей. От Максима Янина и Аркадий узнали, что на месте двух снесённых

дач некая заезжая шишка то ли из министерства, то ли из нефтяной компании собирается отгрохать особняк.

– Интересно, – обронила Янина, – а что он у нас тут забыл?

– Скажешь тоже, чего он тут забыл, – хмыкнул Максим, – места-то у нас тут волшебные!

Как в Берендеевом лесу!

– По-моему, ты преувеличиваешь, – улыбнулась женщина.

– Ага, – отозвался сосед и, скосив глаза куда-то в дальний угол, спросил: – А ты что, в поход, что ли, собралась?

– В какой ещё поход?

– Да вон у тебя в углу лежит спальный мешок, и вроде как не пустой. Или вы в нём картошку из города привезли? – рассмеялся он.

– Какую ещё картошку! Что ты мелешь! Тебе уже спяну бог весть что мерещится!

И в самом деле, под старинным абажуром, освещавшим главным образом стол, разглядеть в углу что-либо было сложно. Все углы были темны. Зато тени беспрепятственно перебежали от одной стены к другой, спасаясь от отблесков камина.

– Ты не учитываешь, подруга, что я художник. И глаз у меня орлиный! Как алмаз!

– Ты бы уж определился, – усмехнулась она, – либо орлиный, либо алмаз.

– Одно другому не противоречит. – Павловский встал и, покачиваясь, направился в угол.

– Не навернись там! – напутствовала его Янина.

– Будь спок, подруга.

– Ну и что там?

– Ещё не дошёл.

Аркадий хрипло рассмеялся и подмигнул Янине.

– Может, ты прячешь от меня любовника?

– Ага, – не осталась она в долгу, – привезла его в багажнике.

– Аркадий, – крикнул между тем Павловский, – помоги мне!

– В чём?

– Давай вытащим этот мешок на середину и посмотрим, что там.

Аркадий нехотя встал и направился к Максиму. Вдвоём они подтащили мешок почти к самому столу.

– Ну, я же говорил, что это спальный мешок, – довольным голосом проговорил Павловский, – сейчас узнаем, что ты там прячешь. – Он открыл спальный мешок и застыл со смесью изумления и страха на лице.

– Что там? – спросила Янина, заглядывая через спины склонившихся мужчин.

– Девушка, – пролепетал Аркадий.

– В нарядном платье, – добавил Максим.

– Так это ты от меня свою любовницу в спальном мешке спрятал! – Янина игриво погрозила пальцем Аркадию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.